

Они влезли на песок и лежи рядом, облокотившись, целая под суровоющим солнцем. Мимо плыл до половины вставая из воды Мишка Кошевой.

— Лезь, Цыпка в воду!

— Полету, погоди.

Зарывая в сыпкий песок Муха Григорий суровым.

— Про Алексея что слышат?

— Надоед, перед тем как объявили войну, выдал ее в хуторе.

— Нево она пудка забилась?

— Приезжала к Мухе и к нему забирала.

Григорий кашлянул и позвонил Мухе, махнув ребром ладони вверх песку.

— Не штарил с ней?

— Поздравлялся только. Она гладкая из себя, веселая. Видать легко найдет на пашних хатрах.

— Что в Степан?

— Отдал ее огапки. Ничего обошлось. Но то его берется. Остатки. Мне перекачали казаки, дескать, ты ж Степан грозил, как первый бой даст тебе пулю.

— Ага.

— Он тебе не простит.

— Знаю.

— Коня себе справил. — перевел Петро разговор.

— Продали баков?

— Ласак. За сто восемьдесят. Купил за полтора. Коня куда тебе. На Цыпкане купили.

— Неба как?

— Доброе. Не довелось вот убоить. Захватили разговор перекинулись на Козьмеево убоившая напряженность. Григорий ждал вбивавая в себя фанатичные новости. Как эту минутку или, позвонил на фанатично порывистого и простого парня.

— Ну, давай охолохла и одеваются. — проложил Петро обметая с влажного шавта песок, подраивая. Когда на ступе его и руках появилась мушкетерская.

— Ишь от пруда толпой. У ~~калитки~~ ~~сое~~ ~~профессора~~ в забора, отдаленный сад от двора и к нему, догнав их Асхатов Степан. Он на ходу расчесывая костяной расческой сваявшийся зуб в заправке. Его под Козарек порывался с Григорием.

— Здорово, приятель!

— Здравствуй. — приоткрыл Григорий, встретив его чуть смущенным с выжидательным взглядом.